

На правах рукописи

ЕГОРОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Общественно-политическая ситуация
«оттепели» (1953 – 1964 гг.)
в восприятии современников – преподавателей
и студентов Казанского государственного университета**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Казань – 2010

Работа выполнена на кафедре отечественной истории исторического факультета ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
доцент
Ионенко Сергей Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Набиев Ринат Ахматгалиевич

доктор исторических наук,
доцент
Никонова Светлана Игоревна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Казанский государственный технологический университет»

Защита состоится 5 марта 2010 г. в 10 часов, на заседании диссертационного совета (шифр Д.212.081.01) по историческим наукам при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина (420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 35, ауд. 1113)

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан «__» _____

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Д.Р. Хайрутдинова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Один из приоритетов развития современной России – завершение процесса становления правового государства. Это делает актуальным обращение к истории возникновения в нашей стране такой важнейшей предпосылки правового государства как гражданское общество. Хронологические рамки данного процесса неразрывно связаны с историей советского периода, когда свобода личности, в самом широком понимании этого слова, утверждалась вопреки неразвитости демократических институтов и отсутствию права собственности. Особое значение принадлежит общественно-политической ситуации 1950 – 1-й пол. 60-х гг. Именно тогда под влиянием хрущёвской «оттепели» сложилось поколение критически мыслящих, осознающих собственную незащищённость в условиях советской действительности людей, впоследствии названных «шестидесятниками». В короткий по историческим меркам срок – чуть более 30 лет – представители этого поколения придут к власти и осуществят «перестройку», давшую начало новому, демократическому этапу развития России.

Рост критических настроений в обществе не обошёл стороной вузовскую среду, из которой в большинстве своём и вышли «шестидесятники» – представители демократического (в том числе, правозащитного и национального) движения. В рамках настоящего исследования анализируется влияние «оттепели» на деятельность и умонастроения сообщества преподавателей и студентов Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Изучение этой проблемы, на наш взгляд, исключительно важно для понимания своеобразия политического процесса в Республике Татарстан на рубеже 1980 – 90-х гг., мотивации различных групп его участников.

Хронологические рамки исследования. 1950-е – 1-я пол. 60-х гг. были отмечены ослаблением идеологического прессинга практически во всех сферах жизни общества. Начало этому положили смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. и последовавшая за ней реабилитация жертв массовых репрессий, возвращение незаслуженно забытых книг и научных теорий. Верхняя хронологическая грань исследования совпадает с отставкой Н.С. Хрущёва в октябре 1964 г. и началом периода так называемого «развитого социализма», идеологическое и политическое содержание которого разительно отличалось от предшествовавшей ему «оттепели».

Объектом настоящего исследования, в первую очередь, выступают преподаватели и студенты Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Наряду с ними в качестве объекта ис-

следования фигурируют и аспиранты, занимающие промежуточное положение между студенчеством, с одной стороны, и представителями научно-педагогического корпуса, с другой. Эти три группы вузовского сообщества не только находятся друг с другом в тесной взаимосвязи, но и составляют специфику любого учреждения высшего профессионального образования как такового. На КГУ выбор пал, главным образом, потому, что со времени своего открытия в 1804 г. университет не переставал быть барометром актуальных для российского общества настроений, чему в немалой степени способствовало его местоположение – в центре многонационального и поликультурного Волго-Уральского региона.

В качестве **предмета** исследования выступают изменения, произошедшие в деятельности и умонастроениях университетской корпорации под влиянием общественно-политической ситуации «оттепели».

Степень изученности проблемы. Тема настоящего исследования находится на стыке сразу нескольких направлений развития исторического знания: макро и микроподхода, устной и культурной истории, истории науки. Такой же многоплановый характер носит и имеющая отношение к теме историко-научная литература. В соответствии с проблемно-хронологическим принципом эта литература была сгруппирована в четыре блока.

В *первый блок* входят работы, раскрывающие своеобразие внутри и внешнеполитического, социально-экономического и культурного развития страны в изучаемый период. В совокупности они позволяют рассмотреть события университетской жизни в широком историческом контексте.

Вплоть до 2-й пол. 1980-х гг. изучение проблем, связанных с эволюцией советской политической системы в период «оттепели», велось по двум основным направлениям. В рамках историко-партийного направления анализировались роль съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС в выработке внутренней и внешней политики страны, реализация партийной своей ведущей и направляющей функции в советском обществе, проблемы партийного строительства и демократизации внутрипартийной жизни¹. Вторым направлением было исследование деятельности Советов и разного рода общественных организаций через

¹ СССР на пути строительства коммунизма. 1959 – 1970 гг. – М., 1971; История внешней политики СССР, 1917 – 1976. В 2-х т. Т. 2. 1945 – 1976 / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарёва. – 3-е изд., доп. – М., 1977; История национально-государственного строительства в СССР. В 2-х т. Т. 2. Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937 – 1972). – М., 1972; Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. – М., 1977; Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. – М., 1978; и др.

призму развития социалистической демократии². Историки и обществоведы обосновывали социалистический характер существовавшей в СССР политической системы, показывали её преимущества перед буржуазным строем. По данным историка А.В. Трофимова, только в 1971 – 80 гг. данная проблематика по периоду 1950 – 1-й пол. 60-х гг. нашла отражение в 298 диссертационных работах³. В них утверждалась официальная концепция растворения хрущёвской «оттепели» в иных периодизациях и нивелировались проводимые тогда реорганизации в области партийно-государственного аппарата.

Во 2-й пол. 1980-х гг. социализм, построенный в СССР, был признан деформированным, казарменным, командно-административным и т.п. В рамках такого подхода хрущёвская «оттепель» стала рассматриваться как первая попытка очищения социализма от несвойственных ему наслоений и деформаций в политической, идеологической и социально-экономической сферах. Особое внимание при этом уделялось кампании по борьбе с культом личности И.В. Сталина. Так, обстоятельства начала и развития процесса десталинизации системы были детально рассмотрены в монографиях В.Н. Новикова, Л.А. Опенкина, Ю.С. Аксёнова, коллективном исследовании «XX съезд КПСС и его исторические реальности»⁴, изданных в последние годы существования СССР. Указанные работы имеют один общий недостаток – ограниченный характер преобразований «оттепели» объясняется в них, главным образом, несостоятельностью Н.С. Хрущёва в качестве политика-реформатора.

Комплексный подход к анализу достижений и противоречий «оттепели» характерен для историографии новейшего периода. Различные аспекты внутренней политики 1950 – 1-й пол. 60-х гг. такие авторы, как Е.Ю. Зубкова, В.А. Козлов, Р.Г. Пихоя, Ю.В. Аксютин⁵ попытались

² Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. – Томск, 1975; Мухамедшин К.Д. Деятельность Президиума Верховного Совета союзной республики по укреплению законности. – М., 1975; Баранов Н.Л. Партийное руководство комсомолом в первое послевоенное десятилетие (1945 – 1955 гг.). – Саратов, 1979; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. – М., 1983; и др.

³ Трофимов А.В. Советское общество 1953 – 1964 годов в отечественной историографии: политика и экономика : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 20.

⁴ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва // Вопр. истории. – 1989. – №№ 1–2; Опенкин Л.А. «Оттепель»: как это было. – М., 1990; Его же. На историческом перепутье // Вопр. истории КПСС. – 1990. – № 1; Аксенов Ю.С. Путь к коммунизму: утопии и реалии // Там же. – 1990. – № 7; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. – М., 1990; Рождение и крах оттепели // Наше отечество. Ч. 2. – М., 1991; XX съезд КПСС и его исторические реальности / под общ. ред. В.В. Журавлёва. – М., 1991; и др.

⁵ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы: 1945 – 1964. – М., 1993; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). – Новосибирск, 1999; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. – Новосибирск, 2000; и др.

рассмотреть с учётом того, как их воспринимало общество. Это потребовало использования новых, ранее не привлекавшихся источников: материалов анкетирования, дневников и воспоминаний рядовых современников. Однако, несмотря на свою уникальность, приводимые историками свидетельства зачастую производят впечатление отдельных, вырванных из социального контекста утверждений. Судить по ним о гражданской позиции того или иного «маленького человека», на наш взгляд, не представляется возможным. С обратной крайностью читатель встречается в работе социолога Б.А. Грушина⁶. Положенные в основу данного исследования результаты опросов общественного мнения, даются в столь исчерпывающем виде, что затмевают собой авторскую точку зрения.

1950-е – 1-я пол. 60-х гг. были отмечены углублением кризиса доверия к СССР среди восточноевропейского общества. В ряде государств региона регистрировались факты открытого протеста против советского присутствия. (Речь идёт о беспорядках в Восточном Берлине и других крупных городах ГДР в июне 1953 г., социальном взрыве в Познани летом 1956 г., антиконституционных волнениях в Венгрии осенью того же года). Так как указанные события самым непосредственным образом повлияли на развитие политической ситуации в СССР, можно предположить, что они имели определённый общественный резонанс и в стенах Казанского университета, по крайней мере, среди студенчества. Необходимая информация о политических кризисах в странах Восточной Европы содержится в исследованиях В.Л. Мусатова, Н.Н. Станкова, Я.Я. Гришина, А.С. Стыкалина, В.Т. Середы и других авторов⁷.

«Оттепель» оставила заметный след в духовной жизни советского общества, в том числе, повлияла на формирование умонастроений, далёких от официальной трактовки событий. Пытаясь выявить роль настроений инакомыслия в системе культурных предпочтений студентов

Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде КПСС // Отечеств. история. – 1998. – № 2 ; Пыжиков А.В. Хрущёвская «оттепель». – М., 2002 ; Аксютин Ю.В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 1964 гг. – М., 2004 ; и др.

⁶ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва. – М., 2001.

⁷ Станков Н.Н. ГДР и её восточные соседи. Становление отношений с Польшей и Чехословакией (1949 – 1955). – Саратов, 1991 ; Гришин Я.Я. Истоки кризисов. – Казань, 1991 ; Его же. Политический поворот в Польшу 1948 г. – Казань, 1994 ; Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. – 1994. – № 1. – С. 164–173 ; Стыкалин А.С. Ситуация в Венгрии после XX съезда КПСС. Борьба в руководстве ВПТ и советская дипломатия (март – июль 1956 г.). Введение // Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. – М., 1998. – С. 25–47 ; и др.

КГУ, автор использовал наблюдения С. Савицкого и участников коллективного проекта «Самиздат века»⁸. Содержащаяся в них информация даёт представление об обстоятельствах создания, проникновения и популяризации в СССР произведений несозвучной литературы⁹. Широкомасштабное сотрудничество зарубежных издательств с авторами-диссидентами из стран соцлагеря связано с началом брежневской эпохи. В период же «оттепели» писатели-«шестидесятники» (А.И. Солженицын, В.Д. Дудинцев, Б.Ш. Окуджава, В.П. Аксёнов, В.П. Некрасов и др.), хотя и с ограничениями, но имели возможность публиковаться на Родине. Злободневность поднимаемых отечественной литературой проблем, а, следовательно, и интерес к ней университетской аудитории, всецело зависели от позиции власти во взаимоотношениях с писательской интеллигенцией. Этим обусловлено внимание автора к исследованиям, маркирующим данное направление культурной политики КПСС: работам М.Р. Зезиной, Ю.В. Аксютин и немецкого историка В. Эггелинга¹⁰.

Специфика повседневной жизни казанцев в период «оттепели» получила подробное освещение в монографии Е.А. Вишленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой¹¹. Некоторые из поставленных в ней вопросов (о формах и содержании досуга жителей Казани, свойственной им культуре потребления и т.п.) имеют точки соприкосновения с проблематикой настоящей диссертации.

Во втором блоке представлена литература, рассматривающая историю советской высшей школы послевоенного периода в социологостатистическом (развитие сети вузов, изменения в количественном и качественном составе студенчества и профессорско-преподавательского корпуса) и политологическом (научно-педагогическая интеллигенция и студенты в идеологии и политической практике СССР) ракурсах. Акценты в развитии данного направления исследований кардинальным образом сместились после распада СССР в декабре 1991 г.

⁸ Савицкий С. Андеграунд (история и мифы неофициальной литературы). – М., 2002 ; Самиздат века / сост. А.А. Стреляный [и др.]. – М.–Мн., 1998 ; и др.

⁹ Понятие «несозвучной литературы» впервые появилось на страницах издаваемого в Нью-Йорке эмигрантского журнала «Новая жизнь» во 2-й пол. 1950-х гг. В нём публиковались обзоры и статьи, посвящённые писателям старшего поколения с опальной репутацией. Первый такой обзор относится к 1957 г. См.: Савицкий С. Указ. соч. С. 39–40.

¹⁰ Зезина М.Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели». Проблема свободы творчества // Вестник Московского университета. – 1992. – № 6 ; Её же. Шоковая терапия. 1953 – 1956 // Отечеств. история. – 1995. – № 2 ; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953 – 1970 гг. – М., 1999 ; и др.

¹¹ Вишленкова Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв. / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань, 2008.

Первые работы, анализирующие состояние системы высшего образования в недавно вышедшей из войны стране, относятся к концу 1940-х гг. Отдельное место среди них принадлежит монографии А.Я. Синецкого¹². Её достоинством является обстоятельность и разнообразие представленного статистического материала: о гендерном составе преподавателей, видах и размерах совместительства в высшей школе и т.п. Говоря об историографии проблемы в 1950 – 60-е гг., нельзя не назвать имена А.С. Бутягина, Ю.А. Салтанова, Е.В. Чуткерашвили, Б.М. Ременникова и др.¹³ В совокупности работы этих авторов дают исчерпывающее представление о структуре, направлениях специализации, научно-техническом и кадровом потенциале советской высшей школы периода «оттепели». По ним можно судить и о месте Казанского университета той поры среди аналогичных ему учебных заведений.

Упомянутые в предыдущем абзаце работы носят, в основном, справочный, иллюстративный характер. Исследованиям же, акцентирующим внимание на каком-либо одном аспекте развития высшей школы, свойственна идеологическая заданность. Их содержание, по сути, ограничивается анализом достижений и отдельных просчётов ЦК КПСС в сфере образования и кадровой политики. И, тем не менее, разработки 1960 – 80-х гг. имеют для нас определённый научный интерес – как историографический факт, и как свидетельство эволюции взаимоотношений власти и интеллигенции (в том числе, её профессорско-преподавательского звена) в послесталинский период. Среди историков, изучавших эту проблему с узко марксистских позиций отметим Б.И. Черепнина, Н.Г. Измайлову и Р.Г. Гимадеева¹⁴. Стройную теорию социалистической интеллигенции, её взаимодействия с другими классами советского общества и с властью автор нашёл в работах социологов П.П. Амелина, В.И. Астахова, Л.П. Сверчковой, М.Н. Руткевича и др.¹⁵

¹² Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. – М., 1950.

¹³ Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. – М., 1957; Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. – М., 1961; Зиновьев С.И., Ременников Б.М. Высшие учебные заведения СССР. – М., 1962; и др.

¹⁴ Черепнина Б.И. Деятельность Коммунистической партии в области подготовки научно-педагогических кадров по общественным наукам в СССР : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964; Измайлова Н.Г. Партийное руководство развитием высшей школы в автономных республиках Среднего Поволжья (1946 – 1955 гг.): на материалах Татарской, Чувашской и Марийской АССР : дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1980; Гимадеев Р.Г. Партийное руководство развитием науки в Татарии в период развитого социалистического общества (2-я половина 1960-х – начало 1980-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1985.

¹⁵ Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. – Л., 1970; Астахова В.И. Советская интеллигенция и её роль в общественном прогрессе. – Харьков, 1976; Сверчкова Л.П. Субъект

События конца 1980 – начала 90-х гг. побудили научное сообщество пересмотреть своё отношение к догмам «марксистской социологии» советского образца. Вопреки положению об определяющей политической роли рабочего класса при социализме, руководство внезапно возникшим в разных уголках страны национальным, демократическим и партийно-обновленческим движением возглавили представители интеллигенции. Стремление по-новому подойти к проблеме взаимоотношений власти и интеллигенции наблюдается на материалах не только центра¹⁶, но и провинции¹⁷. Особого внимания заслуживают работы В.А. Беляева, М.Н. Ганиева, Н.Г. Швед¹⁸, которые, хотя хронологически и не связаны с темой диссертации, имеют схожую с ней проблематику. Указанных авторов, в первую очередь, интересовали условия формирования политической культуры различных групп интеллигенции, влияние на этот процесс факторов социального происхождения, национальной и профессиональной принадлежности.

Оппозиционность отдельных представителей интеллигенции, как правило, прослеживается со студенческой скамьи. В работах Ю.П. Шарапова, Е.С. Постникова, Е.Э. Платовой, А.Ю. Рожкова¹⁹ убедительно показано, что даже во 2-й пол. 1920-х – 30-е гг. высшая школа оставалась местом сосредоточения критических по отношению к вла-

духовного производства. Методологический анализ. – Л., 1988; Беляев В.А. Советская интеллигенция в борьбе идей. – Казань, 1990; и др.

¹⁶ Интеллигенция в советском обществе : Межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово, 1993; Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. – М., 1997. – С. 90–149; Елизаров Б.С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 179–213; и др.

¹⁷ Чулкинов А.Е. Интеллигенция и власть (теоретико-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1995; Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2-х ч. Ч. 1. – Омск, 2001; Еремеева А.Н. Провинциальный учёный в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед Западом // Интеллигенция России и Запада в XX – XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. – Екатеринбург, 2004. – С. 71–73; и др.

¹⁸ Беляев В.А. Советская интеллигенция в борьбе идей. – Казань, 1990; Ганиев М.Н. Научная интеллигенция как социально-профессиональная группа (на материалах Республики Татарстан) : дис. ... канд. соц. наук. – Казань, 1996; Швед Н.Г. Роль Казанского университета в формировании политической культуры российской интеллигенции (60 – 90-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999; и др.

¹⁹ Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (1931 – 1941 гг.). – М., 1995; Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921 – 1927). – Тверь, 1996; Платова Е.Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917 – 1927 гг. – СПб., 2001; Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Краснодар, 2003; и др.

сти настроений, их трансляции от одного поколения студентов к другому. Об этом свидетельствуют и собранные автором материалы интервьюирования. У многих из выпускников КГУ периода «оттепели» объективистский взгляд на официальную систему ценностей в годы университетской учёбы если и не сформировался, то, по крайней мере, окреп – под впечатлением от общения с более информированными сверстниками и лекций работавших «не по трафарету» преподавателей. Важно отметить и другое – упомянутые выше исследования, так же, как и данное, посвящены переходным в судьбах государства и общества этапам истории.

Литература по истории Казанского университета составляет *третий блок* историографического обзора.

Уже в Уставе 1804 г. предусматривалось учреждение должности секретаря, в обязанности которого входило написание истории университета. Правило это благополучно забыли, и, тем не менее, на сегодняшний день развитие центра просвещения и науки в Поволжско-Уральском регионе является предметом целой историографической традиции. В ряду её достижений особое место принадлежит работам Н.П. Загоскина²⁰ и М.К. Корбута²¹. Написанные, соответственно, к вековому и 125-летию юбилею Казанского университета, они олицетворяют собой два подхода к изучению его истории: дореволюционный позитивистский и марксистский (классовый). Несмотря на разницу политических взглядов, приоритеты указанных историков в науке примерно совпадали. Обоим интересовало влияние на жизнь университета течений общественной мысли страны: Н.П. Загоскина – либерально-демократической, а М.К. Корбута – революционной.

В 1954 г. коллектив преподавателей КГУ приступил к созданию истории университетского сообщества, свободной от идеологических ошибок «контрреволюционера» М.К. Корбута. В сжатые сроки был издан очень ограниченным тиражом (200 экз.) макет книги, который практически сразу же стал библиографической редкостью²². На исходе хрущёвской «оттепели» с попыткой реанимировать проект 1954 г. выступил один из его участников, профессор-антиковед А.С. Шофман. В 1966 г. им были написаны «Очерки истории Казанского университета»²³, ныне хранящиеся в Отделе рукописей и редких книг (ОРРК) при

²⁰ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. 1804 – 1904. : в 4 кн. – Казань, 1902 – 1904.

²¹ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30. : в 2 т. – Казань, 1930.

²² Шофман А.С. Очерки истории Казанского университета // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 5. Л. 4.

²³ Указ. соч.

Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского в единственном экземпляре.

Четвёртая за советский период попытка написать историю одного из старейших высших учебных заведений страны относится к 1979 г. Тогда вниманию широкой общественности была представлена книга «Казанский университет. 1804 – 1979.: Очерки истории»²⁴. В виду того, что авторы «Очерков...» сделали акцент на освещении деятельности научных, главным образом, естественно-математических коллективов университета, они не имеют прямого отношения к теме настоящей диссертации.

В обобщающей истории Казанского университета²⁵, подготовленной к 200-летию известного в России вуза, периоду «оттепели» посвящена обстоятельная глава «Эпоха Нухина»: 1954 – 1979 гг.» (авторы – В.С. Королёв и В.Д. Жигунин). В поле зрения авторов оказались самые разные явления общественной жизни студенчества 1950 – 1-й пол. 60-х гг., а именно: участие в кампании освоения целины, движении стройотрядов и народных дружин, работа творческих объединений университета и т.п. Вместе с тем, описанная В.С. Королевым и В.Д. Жигуниным обстановка университетской жизни получилась, на наш взгляд, чересчур идиллической. Она не учитывает настроения фрондирующей, или же, наоборот, «серой» массы студентов. В этом сказалась специфика издания, преследующего в качестве основной цели презентацию университета широкой общественности.

Качественно новым рубежом в изучении истории Казанского университета стала монография Е.А. Вишленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой²⁶, опубликованная в 2005 г. Авторы сосредоточили внимание на ранее игнорируемых аспектах функционирования сообщества: стиле и качестве жизни университетских людей, их взаимоотношениях друг с другом, символике учебного пространства и связанных с ним ритуалах. Такого рода информацию по 2-й пол. XX века дали, среди прочих источников личного происхождения, материалы анкетирования выпускников. Вместе с тем, работая в рамках теории повседневности, авторы, по сути, свели влияние политического контекста жизни сообщества к формированию вокруг него новой системы культурных координат. Чтобы избежать этой крайности, во главу настоящего исследования была поставлена проблема восприятия сообществом преподавателей и студентов КГУ событийной канвы «оттепели».

²⁴ Указ. соч.

²⁵ История Казанского университета, 1804 – 2004. – Казань, 2004.

²⁶ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005.

Четвёртый блок представлен литературой справочного характера. В её числе особое место принадлежит биобиблиографическому словарию выпускников и преподавателей Казанского университета²⁷. Работа над изданием ещё далека от завершения. Тем не менее, сегодня в нём можно найти краткие биографические сведения о наиболее заметных представителях университетского сообщества, в том числе и по периоду 1950 – 1-й пол. 60-х гг. Информационный потенциал словаря был использован автором, как для реконструкции обстоятельств жизни и деятельности сотрудников КГУ, так и при составлении подробных моделей интервьюирования.

Итак, сообщество Казанского университета периода «оттепели» на сегодняшний день пока не стало предметом специального исследования. Между тем, наметившаяся в последнее десятилетие тенденция к более широкому использованию нетрадиционных источников информации открывает новые возможности в изучении университетской истории данного периода.

Источниковая база исследования. Поставленная в диссертации проблема решается на основе использования неоднородного комплекса материалов. К разряду опубликованных источников относятся: 1) публикации документов по отдельным вопросам общественно-политического развития страны и истории КГУ в 1950 – 1-й пол. 60-х гг.; 2) материалы периодической печати; 3) мемуаристика; 4) произведения художественной литературы; 5) работы учёных-гуманитариев Казанского университета периода «оттепели».

До 1991 г. важнейшие документы партии публиковались Издательством политической литературы в серии «КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Информацию по теме диссертации содержат постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, определявшие: а) участие комсомольской, в том числе, студенческой молодёжи в экономической жизни страны; б) задачи партийной пропаганды в области высшего образования; в) роль высшей школы в реализации кадровой политики партии.

Среди документов эпохи, которые, хотя и не имели силу закона, но существенно повлияли на политическое развитие страны, выделим доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях», выступления, курировавших вопросы идеологии секретарей ЦК КПСС (Л.Ф. Ильичёва, М.А. Суслова и Б.Н. Пономарева). Местом их первичной публикации обычно выступали органы партийной печати.

²⁷ Казанский университет : Биобиблиографический словарь в 3 томах. Т. 2–3 / отв. ред. Г.Н. Вульфсон. – Казань, 2005.

Ценным источником по теме диссертации является «Летопись КГУ...», составленная А.П. и Е.П. Исаковыми²⁸. В летописи приведены наиболее значимые факты из жизни сообщества (в том числе, по периоду 1953 – 1964 гг.), подкреплённые выдержками из соответствующих архивных и законодательных документов. Данное издание выполняет также роль путеводителя при работе с фондами Казанского университета, хранящимися в республиканских архивах.

Вторую группу источников, из разряда опубликованных, составляют произведения мемуарной литературы. Их авторы – «действующие лица» и рядовые современники «оттепели». Первые (А.И. Аджубей, Ф.М. Бурлацкий, П.А. Абраимов, Е.Б. Пастернак и др.²⁹) обратились к жанру воспоминаний вскоре после начала «перестройки», когда стало модным обсуждать пути обновления системы и связанные с этим трудности. Не имея прямого отношения к теме диссертации, этот источник помогает лучше понять настроения политической и культурной элиты 1950 – 1-й пол. 60-х гг., свою противоположность с которой в молодости ощущали многие участники интервьюирования.

Довольно обширная мемуарная литература существует и конкретно по истории Казанского университета периода «оттепели»³⁰. В её ряду отметим воспоминания П.С. Кабытова³¹, представляющие собой размышления об эпохе крупного учёного-гуманитария. И хотя время учёбы П.С. Кабытова на историко-филологическом факультете КГУ (1962, 1965 – 70 гг.), в основном, связано с брежневской эпохой, целый ряд поднимаемых в его «автобиографии историка» вопросов (обстоятельства зарождения «нового направления» в исторической науке, политические настроения отдельных преподавателей и групп студентов, университетская повседневность и т.п.) актуальны и для ситуации 1950 – 1-й пол. 60-х гг. Заслуживает особого внимания и серия автобиографических очерков профессора Е.П. Бусыгина, объединённых под об-

²⁸ Исаков А.П., Исаков Е.П. Летопись Казанского Государственного Университета (история в фактах, подтверждённых документами). В двух томах. Том 2. 1946 – 2004 гг. – Казань-Лондон, 2005.

²⁹ Аджубей А.И. Те десять лет. – М., 1989 ; Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них... – М., 1990 ; Его же. Никита Хрущёв и его советники – красные, чёрные, белые. – М., 2002 ; Абраимов П.А. Вспоминая прошедшие годы. Четверть века послом Советского Союза. – М., 1992 ; Пастернак Е.Б. Борис Пастернак : Материалы для биографии. – М., 1989 ; и др.

³⁰ Шафиков Я. Фикрят Табеев : Документальная проза на русском и татарском языках. – Казань, 2001 ; Бусыгин Е.П. Жажда совершенства // Бусыгин Е.П. Счастье жить и творить. – Казань, 2006. – С. 28–255 ; Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. – Самара, 2008 ; Казанский государственный университет. Геологический факультет. Воспоминания выпускников. – Казань, 2006 ; и др.

³¹ Кабытов П.С. Указ. соч.

щим названием «Жажда совершенства»³². Их автор, известный этнограф и музыкант, в рассматриваемый период занимался преподавательской и партийной работой на географическом факультете, параллельно исполняя обязанности бессменного руководителя университетской организации Общества «Знание» и председателя профкома (1962 – 64 гг.). Благодаря этим воспоминаниям мы имеем возможность посмотреть на общественную и научную жизнь университета изнутри, глазами одного из активных её функционеров.

Материалы периодических изданий образуют *третью группу* опубликованных источников. Использованные в ходе работы над диссертацией газеты и журналы, в зависимости от целевой аудитории, были разделены автором на пять групп: а) партийная печать (журналы «Коммунист» и «Коммунист Татарии»); б) издания, ориентированные на молодёжную аудиторию (журнал «Юность», газеты «Комсомольская правда» и «Комсомолец Татарии»); в) Литературно-публицистические издания («Литературная газета», журналы «Новый мир», «Нева», «Дружба народов»); г) исторические журналы («Вопросы истории», «Отечественная история», «Вопросы истории КПСС»); д) университетская многотиражка «Ленинец».

Приведённые выше издания дают информацию по самым разным аспектам жизни университетского сообщества. К примеру, одним из основных каналов политизации лекций и научной деятельности преподавателей-общественников КГУ, как и любого другого вуза страны, были публикации в журнале «Коммунист». В нём получали категоричную, безапелляционную оценку и наиболее яркие тенденции развития социогуманитарного знания.

Особое место среди источников массовой информации принадлежит университетской многотиражке «Ленинец». В рассматриваемый период, редколлегия издания не боялась выносить на публичное обсуждение недостатки в работе комитета ВЛКСМ, партийных и комсомольских бюро, руководства отдельных учебных подразделений и университета в целом. Материалы рубрик «Сатира и юмор», «Из редакционной почты» и «Рейд бригады “Ленинца”» позволяют, таким образом, существенно дополнить и перепроверить сведения, отложившиеся в архивных фондах. По ряду направлений жизни студенчества (формы и содержание досуга, литературное творчество, оценка студентами состояния учебного процесса и быта в университете) репортажи газеты носили эксклюзивный характер.

К *четвёртой группе* опубликованных источников относятся произведения художественной словесности.

³² Бусыгин Е.П. Указ. соч.

Произведения советской литературы 1950 – 1-й пол. 60-х гг. представляют интерес с точки зрения анализа причин их популярности среди первых читателей – студентов и молодых преподавателей Казанского университета. При каких обстоятельствах они впервые познакомились с тем или иным запомнившимся произведением? Какими были критерии оценки актуальности произведений литературы? Оказывали ли влияние на литературные предпочтения читателей их национальное и социальное происхождение? Ответы на эти и другие вопросы помогают существенно дополнить картину духовной жизни университетского сообщества в период «оттепели».

Пятую группу опубликованных источников составляет научная продукция КГУ 1950 – сер. 60-х гг. По её содержанию можно судить о реакции преподавателей и аспирантов на потепление общественно-политического климата в стране, новациях, и так и не до конца преодоленном наследии сталинизма в научной жизни университета.

Шестая группа опубликованных источников представлена учебной литературой, изданной для нужд гуманитарного образования в 1940 – 60-е гг. Особое место в ней отводится учебникам по истории партии, в которых, как в зеркале, получили отражение перипетии идеологической жизни страны при переходе от сталинизма к концепции развитого социалистического общества³³.

Раздел неопубликованных источников имеет следующую структуру: 1) архивные документы; 2) рукописи неопубликованных воспоминаний, хранящиеся в фондах Отдела рукописей и редких книг при Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского и в частных архивах; 3) материалы интервьюирования.

В ходе работы над диссертацией были использованы архивные фонды Казанского университета (Архив КГУ; НА РТ – Ф.1337), его партийной и комсомольской организации (ЦГАИПД РТ – Ф. 624 и Ф. 6951 соответственно). Из всего многообразия представленных в архивах документов автором были выделены следующие их разновидности: а) протоколы заседаний кафедр, структурных подразделений и общественно-политических организаций университета; б) стенограммы лекций; в) отчёты о содержании научно-исследовательской, педагогической, культурной и других направлений деятельности сообщества; г) личные дела сотрудников.

Материалы архивных фондов дают представление об изменениях, произошедших в жизни и деятельности университетских людей под

³³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс. – М., 1944 ; История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1959 ; История Коммунистической партии Советского Союза в 6 томах. – М., 1964.

влиянием общественно-политической ситуации «оттепели». Кроме того, они оказали большую помощь при составлении подробных моделей интервьюирования выпускников, оценке степени достоверности приводимых ими свидетельств.

Вторую группу неопубликованных источников составляют рукописи воспоминаний, хранящиеся в ОРРК при Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского, либо оказавшиеся в нашем распоряжении с согласия их владельцев – участников интервьюирования. Каждый такой источник содержит ценную информацию об исследуемом периоде, собранную и записанную студентами и сотрудниками. Авторы рукописей акцентируют внимание на событиях, которые слабо освещаются в изданиях по истории университета: зарождение студенческого строительного движения в КГУ, поездки студентов на целину, культура взаимоотношений университетских людей и т.п.

Материалы интервьюирования образуют *третью группу* неопубликованных источников диссертации. Исследования в области устной истории пока не получили достаточного распространения в отечественной историографии, так как источники, на которых они основаны, созданы в наши дни и несут на себе отпечаток субъективного опыта респондентов. Между тем такой подход имеет и ряд неоспоримых преимуществ, главное из которых – возможность увидеть события недавнего прошлого глазами современников. Методы и приёмы анализа аудиовизуальной информации наиболее полно представлены в литературе по качественной социологии³⁴. Руководствуясь ими, автором данного исследования было записано и соответствующим образом обработано 57 интервью, абсолютное большинство которых (52) принадлежит выпускникам КГУ.

Цель настоящей диссертации – изучить влияние «оттепели» на деятельность и умонастроения сообщества преподавателей и студентов Казанского государственного университета. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- показать изменения, произошедшие в системе межличностных коммуникаций преподавателей университета;

³⁴ Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования : Учеб. пособие для вузовской спец. «История». – М., 1986 ; Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М., 1998 ; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 1999 ; Ковалёв Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. – М., 1999 ; Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : Учебное пособие. – Самара, 2002 ; Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Мещеркина Е.Ю. – М., 2004 ; и др.

- выявить зависимость между новыми веяниями в идеологии и практикой проводимых в КГУ социогуманитарных исследований;
- дать анализ влиянию «оттепели» на изложение учебного материала по предметам социогуманитарного цикла;
- изучить новые явления в общественной жизни университета и их роль в формировании гражданского мироощущения студентов;
- попытаться реконструировать восприятие знаковых явлений культурной «оттепели» учащейся молодёжью тех лет;
- показать восприятие студентами политического курса Н.С. Хрущёва.

Методологические основы исследования. Исследование носит междисциплинарный характер, выполнено на стыке устной и микро истории, качественной социологии, истории науки и культурологии. К разработке темы автор подошёл с историко-антропологических позиций, рассматривая общественные и политические процессы «оттепели» под углом их интерпретации современниками – выпускниками Казанского университета. «Интерпретация» в данном случае понимается, как наделение элементов исторического содержания эпохи (событий, явлений, процессов) тем или иным смыслом. В основу реконструкции моделей гражданского мировосприятия студентов был положен метод контент-анализа. В современной научной литературе под этим термином понимают «перевод в количественные показатели массовой текстовой (или записанной на плёнку) информации с последующей статистической её переработкой»³⁵.

Структура интервью, как одной из разновидностей нарративных источников, определяется суммой поставленных в нём вопросов. Ответы респондентов (предельно лаконичные по формулировке или представляющие собой развёрнутые оценочные суждения) на каждый из таких вопросов выступают в качестве смысловой единицы анализа текста – символа³⁶. Частота появления того или иного символа в рамках выборочной совокупности свидетельствует о месте олицетворяемой им модели гражданского мировосприятия в системе умонастроений студентов КГУ 1950 – 1-й пол. 60-х гг. Данный подход требует от исследователя чёткого соблюдения процедуры источниковедческой критики. В нашем случае она предполагает сравнение интервью выпускников одного и того же года между собой и с данными альтернативных ис-

³⁵ Ядов В.А. Указ. соч. С. 216.

³⁶ Смысловые единицы анализа составляют набор признаков, «встречающихся в документах, текстах достаточно большое число раз и принимающих переменные значения (в историографии полученные первичные понятия именуются символами)». См.: Фёдорова Н.А. Математические методы в историческом исследовании : Курс лекций. – Казань, 1996. – С. 97.

точников информации, а также отслеживание позднейших идеологических наслоений.

Ценность любой выборки определяется, в первую очередь, степенью её репрезентативности. В рамках данного исследования были записаны и соответствующим образом обработаны³⁷ воспоминания выпускников, которые представляют: а) все без исключения факультеты Казанского университета 1950 – 1-й пол. 60-х гг.; б) разные выпуски студентов – от периода апогея сталинизма до начала брежневской эпохи; в) основные для Татарской АССР национальности – русских и татар; г) основные социальные группы советского общества периода «оттепели» – рабочих, колхозного крестьянства, служащих и интеллигенции; д) разные политические убеждения и пристрастия.

При работе над диссертацией были использованы и традиционные методы исторического исследования – проблемно-хронологический и историко-генетический. Первый предполагает рассмотрение явлений из жизни общества и университета в порядке их возникновения и причинно-следственной обусловленности, второй – в тесной взаимосвязи друг с другом.

Апробация и практическая значимость работы. Основные положения диссертации были представлены автором на научных конференциях республиканского (Казань – 2006, 2007, 2008), всероссийского (Ростов-на-Дону – 2007, 2008, Казань – 2009) и международного (Казань – 2008, Ижевск – 2008) уровня. Всего по результатам исследования опубликовано 8 статей и тезисы к трём докладам. Ещё 3 статьи сданы в печать.

Положения и выводы диссертации могут быть использованы при разработке курса лекций по предмету «Культура советской России», спецкурсов по истории alma mater и методологии исторических исследований. Созданный по результатам интервьюирования 57 респондентов корпус источников личного происхождения – основа и для последующих исследований по истории Казанского государственного университета и эволюции социокультурного пространства Казани во 2-й пол. XX века.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

³⁷ В частности, автором был использован метод обоснованной теории, предполагающий «постоянное движение от сбора данных к концептуализации и обратно». См.: Готлиб А.С. Указ. соч. С. 249–252.

Введение содержит обоснование актуальности темы, постановку цели и задач работы, её хронологические рамки и методологию. Особое внимание уделено анализу историографии и источниковой базы по теме исследования.

В **первой главе** «Преподаватели Казанского госуниверситета в контексте общественно-политической ситуации “оттепели”» анализируются изменения, произошедшие в профессиональной жизнедеятельности преподавателей КГУ под влиянием хрущёвской либерализации.

В центре внимания **первого параграфа** находится система внутри-университетских коммуникаций (преподавателей друг с другом, преподавателей и студентов), её эволюция под влиянием общественно-политической ситуации «оттепели».

С наступлением «оттепели» контроль над повседневной жизнью преподавателей университета перестал быть тотальным. Почти полностью исчезли доносительство, покаянные суды чести и проработочные кампании, жертвами которых становились за проступки не только политического, но и морального свойства. Как результат, новое поколение вузовской интеллигенции, пришедшее в КГУ уже после смерти И.В. Сталина, отличалось от своих предшественников большей независимостью суждений и трезвым взглядом на советскую действительность. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют сами выпускники, в чьих интервью проводится чёткая грань между преподавателями-«пятидесятниками» и их старшими коллегами. (Речь, главным образом, идёт о сотрудниках кафедр общественных наук).

Судя по архивным источникам, отношения между представителями двух генераций сотрудников осложняли различные позиции, которых они придерживались в оценке содержания и развития процесса десталинизации. В то время как преподаватели-«пятидесятники» пытались использовать «оттепель» в целях демифологизации социогуманитарного знания, их старшие коллеги ратовали за сохранение в системе высшего образования чёткой системы идеологических координат, по образцу той, что существовала при И.В. Сталине. Конфликты мнений, случавшиеся время от времени на кафедрах общественных наук, в отличие от ситуации 1930 – начала 50-х гг., способствовали распространению в университете демократического стандарта дискуссий.

В целом, анализ материалов интервьюирования и других источников по теме диссертации не выявил среди преподавателей КГУ 1950 – 1-й пол. 60-х гг. сколько-нибудь значительных фактов выражения несогласия с генеральной линией ЦК КПСС. Демократический импульс «оттепели» дал о себе знать в 1970-е гг., когда для некоторых сотрудников, в первую очередь, естественнонаучных специальностей стали актуальными примеры отстаивания своей гражданской позиции участ-

никами Хельсинкской группы и тогдашним лидером правозащитного движения академиком А.Д. Сахаровым.

Второй параграф посвящён влиянию «оттепели» на изучение в Казанском университете актуальных для того времени вопросов истории партии и литературоведения. Выбор указанных дисциплин в качестве предмета исследования обусловлен диаметрально противоположным политическим контекстом их развития при И.В. Сталине и в годы борьбы с его культом личности.

На исходе «оттепели» в Казанском университете произошло оформление исторической и литературоведческой научных школ. Первая специализировалась на изучении истории Октябрьской революции в Среднем Поволжье. Её вклад в советскую историографию проблемы 2-й пол. 1950 – 60-х гг. сводится к трём основным моментам: 1) постановка вопроса о сотрудничестве большевиков и партий-«попутчиков» накануне и в начале революции (И.М. Ионенко, Р.И. Нафигов, А.Х. Бурганов, И.Р. Тагиров, Р.К. Валеев); 2) признание специфичности октябрьских событий в Казани и Казанской губернии, шире – в провинции (И.Р. Тагиров); 3) альтернативное толкование хода Октябрьской революции в преддверии начала гражданской войны (время упущенной парламентской альтернативы развития России в интерпретации А.Х. Бурганова).

Зарождение литературоведческой школы университета связано с именем профессора Н.А. Гуляева. В период его руководства (1959 – 72 гг.) кафедра литературы приступила к разработке малоизученной на тот момент проблемы – романтизма в русской дореволюционной и советской литературе. Исследования Л.Г. Юдкевича, Н.С. Трапезниковой, Г.А. Вишневской, Н.А. Асановой и других литературоведов КГУ стали важной вехой на пути рассмотрения реализма в паритете с предшествовавшими ему методами художественного отображения действительности.

С началом критики культа личности И.В. Сталина, преодоление связанных с его именем фальсификаций прошлого страны стало насущной задачей исторической науки. Её масштабы потребовали от властей принятия мер, направленных на стимулирование исследовательской активности в данном направлении. В ряду наиболее значимых из них отметим обеспечение доступа ко многим ранее закрытым фондам архивов, поощрение «новых форм» координации между научными сообществами и открытие специализированных изданий вроде «Исторического архива» и «Вопросов истории КПСС». В КГУ упомянутые выше тенденции проявились в деятельности историков-организаторов Общества археологии, истории и этнографии. К сожалению, с таким трудом воссозданное в 1962 г., Общество в том же году прекратило

своё существование. Через год оказалась фактически нереализованной и инициатива профессора Х.У. Усманова об открытии в составе историко-филологического факультета кафедры востоковедения. Причина неудачи и в том, и в другом случае – несоответствие исповедуемого учёными идеала дистанцированной от идеологии науки реалиям советской политической системы.

В *третьем параграфе* рассматриваются изменения 1950 – 1-й пол. 60-х гг. в преподавании социогуманитарных дисциплин, отношение к этим изменениям тогдашнего студенчества.

Решения XX съезда по вопросам идеологии санкционировали изменения в преподавании общественных дисциплин, в первую очередь, истории КПСС. Переосмыслению подверглось изложение тех этапов советского, партийного и государственного строительства, которые более других испытали на себе влияние сталинизма. Речь идёт, прежде всего, об оценках и интерпретации Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Известное освобождение гуманитарного образования от грубых фальсификаций и мифов сталинизма, однако, не произвело положительного впечатления на студентов, так как процесс этот носил ограниченный характер и осуществлялся в интересах одного политика – Н.С. Хрущёва. Иллюзии касательно масштабов десталинизации окончательно развеялись после выхода в свет новой редакции учебника по истории партии в июле 1959 г. Как и обещали советские СМИ, он превзошёл «Краткий курс...», но лишь по объёму содержания, а не степени его научной объективности. Кроме того, появление учебника положило предел относительной свободе преподавателей-общественников в выборе форм и средств подачи учебного материала.

Изменения в преподавании юридических дисциплин выразились, главным образом, в отказе от интерпретации норм социалистической законности в духе Сталина – Вышинского. В связи с прекращением массовых репрессий, в программе обучения студентов были восстановлены общепринятые трактовки таких понятий, как «презумпция невиновности», «предварительное следствие», «предмет доказывания», «правомерность» и т.п. Далеко не столь однозначно в первое послесталинское десятилетие складывалась судьба курса политэкономии, теоретическая составляющая которого варьировалась в зависимости от состояния народного хозяйства в стране.

Тенденция к гуманитаризации характеризует преподавание филологии и литературоведения в рассматриваемый период. Однако и здесь сохранялись пережитки культа личности, игнорирование которых сотрудниками специализированных кафедр было невозможно по соображениям идеологической корректности.

В поле зрения **второй главы** диссертации находится проблема влияния «оттепели» на умонастроения студентов КГУ – представителей поколения «шестидесятников».

В *первом параграфе* рассматривается содержание конкретных форм общественной жизни университета в 1950 – 1-й пол. 60-х гг. и отношение к ним студентов-участников.

Привлечение студенчества к решению насущных вопросов социально-экономического и культурного развития страны – весьма типичное для советской молодёжной политики явление. Своеобразие ситуации «оттепели» заключалось в том, что на комсомольский призыв 1956-го и последующих годов откликнулось поколение молодых людей, в большинстве своём утративших безоговорочную веру в коммунистический идеал. В кампании освоения целины, деятельности студенческих стройотрядов и народных дружин они участвовали, руководствуясь соображениями не столько идейного, сколько романтического, материального и даже карьерного свойства. Вследствие этого, трудности и противоречия, с которыми студенты сталкивались в практике комсомольской работы, они воспринимали не в качестве «издержек построения светлого будущего», а как свидетельство слабости и несправедливости существующей системы взаимоотношений власти и общества. Социальный опыт, вынесенный респондентами из участия в мероприятиях общественной жизни КГУ 1950 – 1-й пол. 60-х гг. состоял в следующем:

1. Знакомство с представителями тех категорий советских граждан, которые более всего ощутили на себе последствия государственного террора конца 1920 – начала 50-х гг.: депортированных в годы войны народов, колхозного крестьянства, спецпереселенцев. Их условия жизни, правовая и экономическая незащищённость опровергали миф о том, что проявления культа личности в прошлом.

2. Просчёты в организации народных дружин и, в особенности, крах сельскохозяйственных инициатив Н.С. Хрущёва свидетельствовали о превалировании в деятельности общественно-политических организаций страны идеологических мотивов над соображениями здравого смысла.

3. Формированию критического и даже негативного отношения к власти среди участников целинной эпопеи способствовало географическое расположение зерносовхоза «Казанский» – в непосредственной близости от места проведения ядерных испытаний, стоившее многим целинникам здоровья.

Приведённые выше положения объективно способствовали деvaluации части официальной системы ценностей в массовом сознании студенчества. Вместе с тем, не без влияния комсомольских мероприя-

тий 1950 – 1-й пол. 60-х гг. сложилась особая социокультурная общность – выпускников Казанского университета периода «оттепели».

Во *втором параграфе* предпринята попытка показать восприятие студентами-современниками КГУ новых тенденций культурной, в первую очередь, литературной жизни страны в 1950 – 1-й пол. 60-х гг. К числу таких тенденций относились: 1) литературно-критические дискуссии 1953 – 55 гг., оказавшие положительное влияние на жанровое разнообразие и реалистическую составляющую советской литературы; 2) расширение культурных контактов со странами Запада, способствовавшее проникновению в СССР веяний тамошнего масскульта и формированию на его основе субкультуры «стиляг»; 3) зарождение несозвучной литературы.

Контркультурные явления «стиляжничества» и литературы «самиздата» не стали определяющими в духовной жизни студентов Казанского университета 1950 – 1-й пол. 60-х гг. Гораздо более заметный след в памяти его выпускников оставили произведения поэтов-«шестидесятников», Ф.А. Абрамова, А.И. Солженицына, А.М. Гилязова и других писателей, опубликованные в открытой печати под влиянием критических дискуссий 1953 – 55 гг. Увлечение же западной эстрадой, хотя и охватило самые широкие слои учащейся молодёжи, не приобрело диссонирующих с официальной советской действительностью форм. Вместе с тем, само её появление в университетской среде свидетельствовало о том, что свойственные эпохе культа личности идеологическая выверенность и, как следствие, однообразие культурного кругозора студенчества безвозвратно ушли в прошлое. То же самое можно сказать и о литературе «оттепели», предпочтения в которой отражали своеобразие тогдашних общественно-политических и (или) национальных настроений участников интервьюирования.

Специфика отношения студентов к власти в контексте политических процессов «оттепели» является предметом рассмотрения в *третьем параграфе* диссертации.

Развенчание культа личности Сталина, попытка по-новому подойти к решению продовольственной проблемы и взаимоотношениям со странами Восточной Европы отражают своеобразие «оттепели» в области идеологии, социально-экономической и внешней политики. К сожалению, реализацию насущных задач развития СССР возглавил человек, чья политическая и личная культура сложилась на уже прочном фундаменте сталинизма. По этой причине, приоткрытие завесы тайны над репрессиями конца 1930 – начала 50-х гг. способствовало не столько демократизации советской системы, сколько дальнейшему сосредоточению власти в руках 1-го секретаря ЦК КПСС. Обратной стороной этого процесса стало неуклонное падение авторитета Н.С.

Хрущёва, по крайней мере, среди студентов Казанского университета. Венгерские события осени 1956 г. и ухудшение продовольственной ситуации в стране на рубеже 1950 – 60-х гг. воспринимались ими, в первую очередь, как результат неспособности хрущёвского авторитаризма исполнять взятые на себя обязательства. Наверное, поэтому современники, хотя и понимали истинную подоплёку политического поворота 14 октября 1964 г., отнеслись к факту его свершения с чувством облегчения и надеждой на перемены к лучшему.

В **заключении** подведены общие итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы и обобщения по каждому из его разделов.

III. ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ АВТОРОМ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК

1. Восприятие советской молодёжью политических кризисов 50-х годов XX века в странах Восточной Европы (по воспоминаниям современников – выпускников Казанского университета) / А.Н. Егоров // Учёные записки Казанского государственного университета. – Т. 151. – Казань : Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2009. – С. 196–201.

Статьи

2. Высшая школа Республики Татарстан периода «оттепели» в новейшей отечественной историографии / А.Н. Егоров // Сборник материалов итоговой конференции молодых учёных и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани за 2006 г. / под ред. Р.С. Хакимова [и др.]. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2007. – С. 69–73.

3. Влияние «оттепели» на содержание общественно-политической деятельности сообщества Казанского университета / А.Н. Егоров // Сборник материалов докладов 5-й Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Молодёжь XXI века – будущее российской науки». В 2 томах. – Т. 2. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЦВВР, 2007. – С. 31–33.

4. Не признающий авторитетов. Диас Валеев о себе и начале своего пути / А.Н. Егоров // Казань. – 2008. – № 6. – С. 99–101.

5. Литературный процесс «оттепели» в формировании нового поколения татарской творческой интеллигенции / А.Н. Егоров // Учёные записки – 2007 : Сборник статей / науч. ред. И.А. Гилязов. – Казань : Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – С. 115–122.

6. Продовольственная ситуация в СССР рубежа 1950 – 60-х гг. глазами студентов Казанского университета / А.Н. Егоров // Историки и

его дело: судьбы учёных и научных школ : Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера / сост. и общ. редакция Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко, Н.Г. Шишкиной. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2008. – С. 506–510.

7. Проблема сохранения традиционного уклада жизни в повести А.М. Гилязова «Три аршина земли» / А.Н. Егоров // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации : Материалы VII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (Казань, 2 – 5 июля 2008 г.) / науч. ред. И.А. Гилязов. – Казань : Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2009. – С. 352–355.

8. Литература «оттепели» в интерпретации современников (по материалам интервьюирования выпускников КГУ) / А.Н. Егоров // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве : Сборник статей и материалов II Международной научной конференции (Казань, 5 – 9 мая 2008 г.) / редколлегия: О.О. Несмелова, Л.Е. Бушканец, М.А. Козырева. – Казань : РИЦ «Школа», 2009. – С. 86–94.

9. Три интервью об Аязе Гилязове / А.Н. Егоров // Казанский альманах. – 2009. – № 1 (5). – С. 131–148.

10. «Оттепель» и изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете / А.Н. Егоров // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия : Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. – М. : ИВИ РАН, 2009. – С. 321–324.

11. «Я всегда делал только то, к чему лежала душа» : Интервью с В.С. Мустафиным / А.Н. Егоров // Идель. – 2010. – № 1. – С. 52–57.